

Морараш М. М. Семантико-когнитивное исследование концепта ДОМ в романе В. В. Набокова «Машенька» / М. М. Морараш // Научный диалог. — 2017. — № 8. — С. 104—115. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-8-104-115.

Morarash, M. M. (2017). Semantic-Cognitive Study of HOUSE Concept in Vladimir Nabokov's Novel "Mashen'ka". *Nauchnyy dialog*, 8: 104-115. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-8-104-115. (In Russ.).

УДК 811.161.1'37:821.161.1Набоков7Машенька
DOI: 10.24224/2227-1295-2017-8-104-115

Семантико-когнитивное исследование концепта ДОМ в романе В. В. Набокова «Машенька»

© Морараш Марина Михайловна (2017), orcid.org/0000-0002-7568-6268, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры языкознания и иностранных языков, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия (Казань, Россия), moramara@mail.ru.

Актуальность исследования обусловлена тем, что оно выполнено в русле нового исследовательского направления в лингвистике — когнитивного, сложившегося на рубеже XX—XXI веков. Материал исследования интересен с точки зрения применения теории когнитивной семантики к анализу художественного текста. Когнитивный анализ осуществляется в комплексе с функциональным и дискурсивным. Автором представлено последовательное расширение вербально-семантической составляющей анализа от изучения значений текста к знаниям о действительности. При этом источником получения знаний о тексте и мире является слово — лексема *дом*. В статье особое внимание уделяется особенностям контекстуальных реализаций языкового воплощения концепта ДОМ, позволяющим отчасти эксплицировать (дополнить) и обосновать предыдущие исследования автора) содержание концепции писателя. Исследование открывает доступ к дальнейшей реконструкции образа мира изучаемого писателя при помощи репрезентации категории пространства. Доказано, что комплекс контекстуальных форм выражения концепта ДОМ создает неповторимую, национально специфичную конфигурацию пространства текста, которая подчеркивает особую значимость этого объекта в русском сознании во время эмиграции, усиливает драматичность созданной писателем действительности, актуализирует важные особенности русского характера. Подобное исследование позволяет внести вклад в теорию и практику когнитивно-дискурсивных исследований языка.

Ключевые слова: лексема; лексико-семантическое поле; смысловой блок; текстовая доминанта; концепт.

1. Предварительные замечания о принципе семантико-когнитивного подхода к языковому материалу

Исследование выполнено в русле теории когнитивной семантики (Н. Н. Болдырев [Болдырев, 2014], Е. В. Рахилина [Рахилина, 1998], Н. Ф. Алефиренко [Алефиренко, 1996], З. Д. Попова, И. А. Стернин [Попова и др., 2007], Р. Джэкендофф [Jackendoff, 1995], Р. Лэнекер [Langacker, 1987] и др.), предполагающей семантический анализ как средство изучения способов концептуализации действительности, осуществляемой носителем языка в процессе номинации посредством конструирования и выбора языковых единиц. «Более удобного доступа к концептосфере, чем через язык, видимо, нет», — считают исследователи этого направления [Попова, Стернин, 2007, с. 39]. Е. С. Кубрякова признает «удивительной и всемогущей единицей», через которую можно выйти «к разнообразным структурам знаний, причем как к вербализованным, так и невербализованным», *слово* [Кубрякова, 2004, с. 389]. Суть принципа семантико-когнитивного подхода заключается в обнаружении «через значения языковых единиц, репрезентирующих данный концепт, их словарные толкования, речевые контексты» [Болдырев, 2004, с. 26] имплицитных смыслов, лежащих в глубине текстов и не имеющих вербального выражения. Это постепенно расширяет вербально-семантическую составляющую анализа от изучения значений текста к экспликации знаний о действительности. «Логика данных рассуждений приводит к естественному выводу о том, что значения слов в системе языка соотносимы не столько с парадигматическими и синтагматическими контекстами, сколько с определенными когнитивными контекстами — когнитивными структурами, или блоками знания, которые стоят за этими значениями и обеспечивают их понимание» [Болдырев, 2004, с. 26]. Сходной точки зрения придерживаются В. Малиновский [Malinowski, 1923], Р. Лэнекер, Ж. Фоконье [Fauconnier, 1994] и Дж. Лакофф [Lakoff, 1987], которые также признают определяющую роль когнитивного контекста.

2. Особенности функционирования лексемы *дом* в романе В. В. Набокова «Машенька»

В данной статье представлен способ применения семантико-когнитивного подхода к анализу художественного текста на примере анализа текстовых репрезентаций лексемы *дом* в романе В. В. Набокова «Машенька».

В результате накопления фактического материала создаются предпосылки для определения границ функциональной сферы лексемы *дом*. Первичная обработка результатов показала, что (1) данная лексема и ее дериваты в тексте не распространены (по статистическим данным, отмечено

всего 39 фактов употребления), (2) они не образуют расширенный синтагматический и / или парадигматический ряд лексем, составляющих изучаемую сферу, и (3) основные сущностные характеристики данных лексем можно определить как негативные. В парадигматический ряд лексемы *дом* определена лексема *пансион*. Функционируя в тексте, они взаимозаменяют друг друга, так как имеют идентичное значение: «место жизни персонажей». Примечательно, что писатель место пребывания своих персонажей называет пансионом, а сами персонажи — домом: <...> *мы друг друга не знали, да так случилось, что вернулись **домой** в один и тот же час <...>* [Набоков, 1990, с. 36] (слова Алферова) // *Пансион был русский и притом неприятный* [Набоков, 1990, с. 37] (слова автора) и др.

Таким образом, домом для эмигрантов становится помещение, которое им не принадлежит как дом, но которое они воспринимают таковым.

Результаты исследования в области синтагматической сочетаемости лексемы *дом* позволяют заключить, что она может (1) использоваться в прямом, номинативном значении и не создавать образ или оценочные коннотации (22 факта употребления) или (2) участвовать в создании тропов индивидуально-авторской манеры языка романа (16 фактов употребления): *Ехал к себе **домой**, в отдаленную часть Берлина, где работал наборщиком в типографии* [Набоков, 1990, с. 50] // *И оттого казалось, что весь **дом** медленно едет куда-то* [Набоков, 1990, с. 37] и др.

Лингвокреативные средства моделирования этого объекта заставляют обратить внимание на его, возможно, объемный потенциал. Все выявленные новые значения лексемы формируют лексико-семантическое поле «Дом». Нельзя не отметить, что в числе всех цитат, где функционирует лексема, выделяются всего две цитаты, относящиеся к смысловому блоку прошлого: *Старый, зеленовато-серый, деревянный **дом**, соединенный галереей с флигелем, **весело и спокойно** глядел **цветными глазами** своих двух стеклянных веранд на опушку парка* [Набоков, 1990, с. 75]; *В **петербургском доме** все показалось **по-новому чистым, и светлым, и положительным**, как это всегда бывает по возвращении из деревни* [Набоков, 1990, с. 83].

Эмоционально-оценочное содержание этих цитат соответствует общему художественному фону прошлого и связано с актуализацией в них значения счастья, жизни, благодати. В первой цитате создается метафорический образ *дома* при помощи образных средств, во второй цитате образ *дома* — при помощи языковых единиц, использованных в прямом значении. Функционально-когнитивная сфера *дома* приобретает в романе эмоционально-оценочное значение, именно этот факт позволяет отнести

текстовую доминанту *дом* к концептам. Писатель-интеллектуал, писатель, признающий только «феномен языка, а не идей», не акцентирует внимание на положительном образе изучаемого объекта.

3. Место концепта ДОМ в русской языковой картине мира

Как известно, человеческая и литературная судьба Владимира Набокова состоялась не в России. Октябрьский переворот 1917 года и смерть отца в 1922 году как будто в одночасье уничтожили тот детский земной рай, который оставался потом в памяти писателя на протяжении всей его жизни в эмиграции. Отсюда становится понятным, почему концепт ДОМ — один из базовых для русских романов Владимира Набокова. При этом он является ключевым и для всей русской языковой картины мира, так как он организует пространственное представление человека о мире, разделяя его на «свое» и «чужое». Слово *дом* вызывает у любого представителя русской лингвокультуры индивидуально-чувственный образ его собственного дома. Но при этом его семантическая структура объединяет смыслы, значимые для всех представителей данного социума. Так, дом — (1) «свое» пространство, замкнутое пространство (огражденное от внешнего мира); (2) место жизни человека, его родина; (3) защищенное убежище человека, противопоставленное всему остальному «чужому» и обычно враждебному миру; (4) центр семейного очага, место, объединяющее родных или близких людей; (5) средоточие уюта, тепла, комфорта, красоты; (6) место, к которому человек эмоционально привязан. Такие общенациональные представления о доме обычно выделяются исследователями творчества русских писателей, например, И. С. Тургенева [Илюточкина, 2014], Л. Н. Толстого [Ланская, 2010], М. Булгакова [Щукина, 2012], В. Распутина [Валеева, 2011], А. А. Ахматовой [Базылова, 2009] и т. д. При этом каждый образ дома в их произведениях наделяется какой-нибудь яркой чертой. Дом И. С. Тургенева — *дом-гнездо*, образ связан с семьей, родом, родиной, дом Л. Н. Толстого — *святой, священный, сакральный*, дом М. Булгакова — *абсолютная ценность* человеческой жизни, он характеризуется вечностью, бессмертием, семьей, дом А. А. Ахматовой — *духовный, дом-святыня* и др. В произведениях русской литературы может проследиваться как положительная, так и негативная (на уровне микроконтекста) эстетическая оценка денотата. Например, в «петербургском тексте» (А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. И. Достоевского, А. А. Блока) создается образ ненавистного дома как источника экзистенциального страха и тоски, порожденного социально-историческим контекстом — особенностями основания Петербурга, на-

селенного людьми бедными и униженными, страдающими под тяжестью гнетущего быта [Шурупова, 2010].

Русский человек по-особому относится к дому, рассматривая его как часть личной жизни, для него он связан с чувством родины, это центр мироздания. Ю. С. Степанов относит дом к культурным концептам. В «Словаре русской культуры» Ю. С. Степанов раскрывает лишь одну составляющую концепта ДОМ — УЮТ [Степанов, 1997], в Ассоциативном тезаурусе русского языка (Ю. Н. Караулов) *дом* в первую очередь характеризуется как *наш, родной, уютный*, в исследовании Чжан Янь «Ассоциативное поле концепта ДОМ в русском языковом сознании» выявлено, что дом характеризуется такими признаками, как семья, тепло, уют, родитель, любовь, вкусная еда, очаг [Чжан Янь, 2016, с. 41], а в романе «Машенька» — как *чистый, светлый, положительный, веселый, цветной, спокойный* и, видимо, *живой, одушевленный* (так как он олицетворяется — *дом глядел глазами*). Язык отражает то, что есть в сознании, а сознание формируется под воздействием родной культуры, таким образом, концепт ДОМ предстает специфическим русским национальным концептом.

4. Формирование концептуальной сферы текстового пространства романа В. В. Набокова «Машенька»

В контексте романа концепты ДОМ и ПАНСИОН являются бинарными (оппозитивными), но в смысловом блоке настоящего они — парные (синонимичные) (по классификации М. В. Пименовой). С введением в текст фрагментов воспоминаний в произведении начинают фигурировать два совершенно противоположных образа дома. Там дом предстает во всех отношениях «положительным» (ассоциация автора). А в образе «берлинского» дома так и не актуализируются положительные признаки, так как персонажи, пребывая в пансионе, но называя его домом, не стремятся создать в нем уют, сделать его *родным, светлым, чистым, веселым* домом. Дом в смысловом содержании настоящего приобретает совершенно противоположные характеристики: *унылый и стеклянный: Поезда, насквозь проходившие через этот унылый дом...* [Набоков, 1990, с. 50]; *Она живет в стеклянном доме, колеблющемся и плывущем куда-то* [Набоков, 1990, с. 61].

Компонентный анализ позволяет определить, что адъектив *унылый* синонимизируется с адъективами *грустный, мрачный*, а *стеклянный* может рассматриваться через призму словосочетаний, имеющих в узусе носителей русского языка: *стеклянный взгляд* — безжизненный, неподвижный; *стеклянный [предмет]* (о материале) — непрочный, хрупкий (конечно,

более хрупким материалом считается хрусталь, но эта лексема, наверное, в стереотипном сознании вызывает скорее положительные коннотации), прозрачный, незащищенный. С предположением о том, что слово *стеклянный* может означать безжизненность, неподвижность, нельзя согласиться. Об обратном свидетельствует тот факт, что дом пансионеров постоянно в движении: *Весь дом медленно едет куда-то* [Набоков, 1990, с. 37]; *Начинал ходить дом* [Набоков, 1990, с. 41]; *В этом уходе целого дома* [Набоков, 1990, с. 111]; *В доме, колеблющемся и плывущем куда-то* [Набоков, 1990, с. 61]; *Поплыли дома* [Набоков, 1990, с. 90] и др.

В этих цитатах главный признак дома — его подвижность, неустойчивость, непостоянство. С другой стороны, *поезда не шли и потому казалось, что дом остановился* [Набоков, 1990, с. 68]. При этом в парадигматическую систему лексемы *дом* включается имя *призрак*: *Дом был, как призрак, сквозь который можно просунув руку, пошевелить пальцами* [Набоков, 1990, с. 99]; *Рокоцущий гул, широкий дым проходили через дом* [Набоков, 1990, с. 99]; *Поезда насквозь проходили через этот унылый дом* [Набоков, 1990, с. 50]; *Поезд проходит незримо сквозь толщу самого дома* [Набоков, 1990, с. 41].

На основе анализа этих фрагментов художественного текста реконструируются смыслы ‘отсутствие дома’, ‘бездомность’, ‘тотальное самоотчуждение человека’. В таком доме не может быть внутреннего ощущения тепла, уюта, как правило, нет ощущения любви близких и родных людей, а значит, нет ощущения безопасности. Эти значения делают «дом» ключевым понятием в художественной системе данного романа. Семантические отношения между лексическими единицами, создающими образ дома, однозначны. На уровне текста мы имеем дело именно с некропространством романа: *Пансион неприятный* [Набоков, 1990, с. 37], *тесный коридор* [Набоков, 1990, с. 37], *вазы, потускневшие от пыли* [Набоков, 1990, с. 38], *в трагических и неблагоприятных дебрях* [Набоков, 1990, с. 38]; *стволы, стулья, скрипучие шкафы и ухабистые кушетки... поблекли, приняли унылый и нелепый вид, как кости разобранного скелета* [Набоков, 1990, с. 38], *унылая пансионная столовая* [Набоков, 1990, с. 43], *сквозняки* [Набоков, 1990, с. 69] и др.

Герои в таком доме не чувствуют себя как дома, выглядят нелепо: *<...> жильцам казалось, что эта маленькая, седая, курносая женщина вовсе не хозяйка, а так, просто, глупая старушка, попавшая в чужую квартиру* [Набоков, 1990, с. 39]; *Маленькая, черная меланхолически-чопорная фигура самой госпожи Дорн в конце стола, <...>, казалась очень неуместной, жалкой и потерянной* [Набоков, 1990, с. 43]; *<...> чтобы*

человек, вечно обреченный на новоселье, *чувствовал себя хотя бы немного дома* [Набоков, 1990, с. 94].

Не только дом становится *призраком*, но и люди становятся *тенью*: *Ганин чувствовал, что мутные сумерки, которыми постепенно наливалась комната, заполняют его всего, претворяет самую кровь в туман, что нет у него сил пресечь сумеречное наваждение* [Набоков, 1990, с. 47]; *<...> унылый дом, где жило семь русских потерянных теней* [Набоков, 1990, с. 50]; *Тень его жила в пансионе госпожи Дорн, — он же сам был в России* [Набоков, 1990, с. 73]; *<...> остался вместе с умирающим старым поэтом там, в доме теней, который сам уже стал воспоминанием* [Набоков, 1990, с. 112].

Комбинация лексических репрезентаций дома-призрака и людей-теней представляет собой важную часть системы языковой картины мира, абсолютно индивидуальный вариант воплощения концепта, который, однако, противоречит авторской концепции гармонии человеческого бытия. Владимир Набоков в двух важных для понимания его мироощущения цитатах (о петербургском доме) связывает образ дома с домашним уютом, теплом, семейным очагом, близкими и родными людьми, совместными обедами. «Петербургский дом», несомненно, дает ощущение уединенности и безопасности. Дом — это не только место жизни человека, это важная личная сфера бытия человека. В смысловом блоке настоящего в качестве лексического фона концепта ДОМ (ассоциативные связи с домом, которые существуют в сознании русской личности) выступает описание традиции совместного приема еды пансионерами. «Берлинский» дом изображен писателем как место, где сохраняется эта русская традиция. Стол с яствами является символом объединения и примирения, ритуалом, подразумевающим теплое доверительное общение. Согласно сюжету, все вместе герои встречаются за общим столом с яствами. Это единственное обстоятельство, позволяющее обитателям пансиона почувствовать себя как дома, однако искусственность создания домашнего уюта оборачивается безуспешностью таких попыток в доме «мертвых душ». Их дом становится символом угасания жизни, на возрождение которой они «не способны».

Роман завершается образом строящегося дома, который, в свою очередь, напротив, становится символом возрождения главного героя, покинувшего пансион, угнетавший его жизнь: *А за садиком строился дом. Он видел желтый, деревянный переплет — скелет крыши, — кое-где уже заполненный черепицей. Работа, несмотря на ранний час, уже шла* [Набоков, 1990, с. 111].

5. Заключение

Концепт ДОМ занимает особое место в индивидуально-авторской картине мира Владимира Набокова. Будучи писателем-эмигрантом, он любил свою родину и был предан ей на протяжении всей жизни, поэтому тема дома, России, родины остается одной из основных для писателя. Данное исследование связано с особой задачей статьи — выявлением особенностей выражения идеи русской национальной ментальности в описании «пороговой» ситуации пребывания человека на чужбине посредством анализа лексических репрезентантов концепта ДОМ в романе «Машенька» (1926). В результате семантико-когнитивного анализа установлено, что лексема *дом* является ключевой в романе, поскольку она несет важные смыслы, которые получают метафорическое оформление, и потому она репрезентирует ядро концепта ДОМ. Концепт ДОМ отражает денотативное и коннотативные (образные, экспрессивные) значения лексем *дом* и обозначений всех взаимосвязанных понятий, образующих поле концепта ДОМ. Выявлено, что при несомненной релевантности основного значения, образующего ядро данного концепта, — *дом как место проживания*, образ дома в романе создается во многом посредством актуализации именно коннотативных смыслов — *дом как пространство, в котором сосредоточена духовная жизнь человека*. Коннотативный потенциал лексемы *дом* делает этот концепт более чувствительным и объективным к воплощению этой универсалии в ценностной сфере русского человека, оказавшегося на чужбине. Комплекс контекстуальных форм выражения концепта создает неповторимую, национально специфичную конфигурацию пространства текста, которая подчеркивает особую значимость этого объекта в русском сознании человека, оказавшегося в эмиграции, усиливает драматичность созданной писателем действительности, актуализирует важные особенности русского характера. Так, создание негативного образа «берлинского» дома осложняется положительным образом дома в воспоминаниях Ганина («русский» дом представляет особое пространство, являясь *символом дома-рая*, так как актуализирует значения счастья, благодати, жизни). Это становится необходимым не только для того, чтобы продемонстрировать значение «родного» дома в ценностной системе русского человека. Прежде всего образ «русского» дома функционирует в романе с целью создания общего фона атмосферы вынужденных эмигрантов (их неприятия «чужого» пространства) как *символ безжизненности, угасания чувств, духовной смерти*. «Берлинский» дом — это дом-призрак с жильцами-тенями. Он «поглощает», «захватывает» силы, дух, мешает жизненным целям людей, они становятся неспособными что-либо менять в своей жизни, да

и теряют надежду на это. Кроме того, он оказывает влияние на взаимоотношения людей, живущих в нем, отсюда их разобщение и тотальное отчуждение друг от друга.

Данное исследование позволило прийти и к не менее важному теоретическому выводу. Семантико-когнитивный подход к изучению текста, заключающийся в получении данных через анализ семантики слова, оказывается наиболее приемлемым для осмысления концептуального пространства текста, концептуальных констант мира, соотнесения контекстов функционирования лексем, репрезентирующих концепты, с общим художественным фоном романа, проникновения в художественный дискурс В. Набокова, в проблему специфики русской картины мира.

Результаты исследования открывают доступ к дальнейшей реконструкции образа мира писателя через исследование особенностей репрезентации в его произведениях категории пространства, в этом плане микрообласть «Дом» входит в обширную концептуальную сферу текстового пространства романа.

Источники и принятые сокращения

1. *Набоков В. В.* Машенька / В. В. Набоков // Собрание сочинений : в 4 томах. — Москва : Правда, 1990. — Т. 1. — С. 33—112.

Литература

1. *Алефиренко Н. Ф.* Теоретические основы учения о «внутренней форме» фразем / Н. Ф. Алефиренко // Семантика языковых единиц. — Москва, 1996. — С. 128—130.

2. *Базылова Л. А.* Концепт Дом в индивидуально-авторской картине мира А. А. Ахматовой / Л. А. Базылова // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. — 2009. — № 6. — С. 202—209.

3. *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика : введение в когнитивную лингвистику : учебное пособие / Н. Н. Болдырев. — Тамбов, 2014. — 236 с.

4. *Болдырев Н. Н.* Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 1. — С. 18—37.

5. *Валеева Д. Р.* Языковые реализации концепта «Дом» в произведениях В. Распутина / Д. Р. Валеева // Знание. Понимание. Умение. — 2011. — № 3. — С. 307—310.

6. *Илюточкина Н. В.* Концепт Дома в романах И. С. Тургенева 1850-х годов / Н. В. Илюточкина // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия, Гуманитарные и социальные науки. — 2014. — № 1. — С. 238—242.

7. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке : части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.

8. Ланская О. В. Концепт «Дом» как отражение жизни и смерти в романе Л. Н. Толстого «Война и мир» (на материале VIII—IV глав. Т 2. Ч. 1) / О. В. Ланская // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия, Филология, история, востоковедение. — 2010. — № 3. — С. 182—186.

9. Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка : монография / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж : Истоки, 2007. — 250 с.

10. Рахилина Е. В. Когнитивная семантика : история, персоналии, идеи, результаты / Е. В. Рахилина // Семиотика и информатика. — Москва, 1998. — Вып. 36. — 322 с.

11. Степанов Ю. С. Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — Москва : Языки русской культуры, 1997. — 838 с.

12. Чжан Янь. Ассоциативное поле концепта «Дом» в русском языковом сознании / Чжан Янь // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия, Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2016. — Т. 14, № 4. — С. 39—42.

13. Шурупова О. С. Концепт «Дом» в смысловой организации Петербургского текста русской литературы / О. С. Шурупова // Вестник Башкирского университета. — 2010. — Т. 15. — № 4. — С. 1183—1185.

14. Щукина Д. А. Семья как пространство любимых героев Булгакова / Д. А. Щукина // Пушкинские чтения—2012 : материалы XVII Международной научной конференции. — Санкт-Петербург, 2012. — С. 374—380.

15. Fauconnier G. Mental Spaces : Aspects of Meaning Construction in Natural Language / G. Fauconnier. — Cambridge : Cambridge University Press, 1994. — 190 p.

16. Jackendoff R. Semantics and cognition (Current studies in linguistic series; 8) / R. Jackendoff. — Cambridge, (Mass) : The MIT Press, 1995. — 283 p.

17. Lakoff G. Women, Fire and Dangerous Things : What Categories Reveal about the Mind / G. Lakoff. — Chicago : University of Chicago Press, 1987. — 614 p.

18. Langacker W. R. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1 : Theoretical prerequisites / W. R. Langacker. — Stanford : Stanford University Press, 1987. — 516 p.

19. Malinowski B. The Problem of Meaning in Primitive Languages / B. Malinowski // The Meaning of Meaning. Supplement I / C. K. Ogden, I. A. Richards. — New York, 1923. — P. 451—510.

Semantic-Cognitive Study of HOUSE Concept in Vladimir Nabokov's Novel "Mashen'ka"

© Morarash Marina Mikhajlovna (2017), orcid.org/0000-0002-7568-6268, PhD in Philology, senior lecturer, Department of Linguistics and Foreign Languages, Kazan branch of Russian State University of Justice (Kazan, Russia), moramar@mail.ru.

The relevance of the study is determined by the fact that it is performed in the framework of a new research direction in linguistics — cognitive, established at the turn of 20th—

21st centuries. The study is interesting from the point of view of application of the theory of cognitive semantics to the analysis of literary text. Cognitive analysis is carried out in conjunction with functional and discourse. The author presents a sequential extension of the verbal-semantic component of the analysis from the study of the meaning of the text to knowledge about reality. In this case, the source of knowledge about the text and the world is the word — the token *дом*. In the article special attention is paid to the peculiarities of the contextual realizations of linguistic expression of the concept HOUSE, partly allowing to explicate (to complement and substantiate previous studies of the author) the content of the concept of the writer. The study opens access to further reconstruction of the writer's image of the world with the help of the representation of the category of space. It is proved that the complex of contextual forms of expression of the concept HOUSE creates a unique, national-specific configuration space of the text, which emphasizes the importance of this object in Russian consciousness at the time of the exile, enhances the drama of reality created by the writer, actualizes the important features of the Russian character. This study contributes to the theory and practice of cognitive-discursive studies of language.

Key words: lexeme; lexical-semantic field; semantic block; text dominant; concept.

Material resources

Nabokov, V. V. 1990. Mashen'ka. In: *Sobraniye sochineniy*. 4/1. Moskva: Pravda. (In Russ.).

References

- Alefirenko, N. F. 1996. Teoreticheskiye osnovy ucheniya o «vnutrenney forme» frazem. In: *Semantika yazykovykh edinits*. Moskva. (In Russ.).
- Bazylova, L. A. 2009. Kontsept Dom v individualno-avtorskoj kartine mira A. A. Akhmatovoy. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 6: 202—209. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. 2004. Kontseptualnoye prostranstvo kognitivnoy lingvistiki. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*, 1: 18—37. (In Russ.).
- Boldyrev, N. N. 2014. Kognitivnaya semantika: vvedeniye v kognitivnuyu lingvistiku: uchebnoye posobiye. Tambov. (In Russ.).
- Chzhan, Yan'. 2016. Assotsiativnoye pole kontsepta «Dom» v russkom yazykovom soznanii. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya, Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*, 14/4: 39—42. (In Russ.).
- Fauconnier, G. 1994. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ilyutochkina, N. V. 2014. Kontsept Doma v romanakh I. S. Turgeneva 1850-kh godov. *Uchenyye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya, Gumanitarnyye i sotsialnyye nauki*, 1: 238—242. (In Russ.).
- Jackendoff, R. 1995. *Semantics and cognition (Current studies in linguistic series; 8)*. Cambridge, (Mass): The MIT Press.
- Kubryakova, E. S. 2004. *Yazyk i znaniye. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira*. Moskva: Yazyki slavyanskoy kultury. (In Russ.).

- Lakoff, G. 1987. *Women, Fire and Dangerous Things: What Categories Reveal about the Mind*. Chicago: University of Chicago Press.
- Langacker, W. R. 1987. *Foundations of Cognitive Grammar, 1: Theoretical prerequisites*. Stanford: Stanford University Press.
- Lanskaya, O. V. 2010. Kontsept «Dom» kak otrazheniye zhizni i smerti v romane L. N. Tolstogo «Voyna i mir» (na materiale VIII—IV glav. T 2. Ch. 1). *Uchenyye zapiski Zabaykalskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya, Filologiya, istoriya, vostokovedenie*, 3: 182—186. (In Russ.).
- Malinowski, B. 1923. The Problem of Meaning in Primitive Languages. In: Ogden, C. K., Richards, I. A. *The Meaning of Meaning. Supplement I*. New York.
- Popova, Z. D., Sternin, I. A. 2007. *Semantiko-kognitivnyy analiz yazyka: monografiya*. Voronezh: Istoki. (In Russ.).
- Rakhilina, E. V. 1998. Kognitivnaya semantika: istoriya, personalii, idei, rezultaty. In: *Semiotika i informatika*. Moskva. 36. (In Russ.).
- Shchukina, D. A. 2012. Semya kak prostranstvo lyubimykh geroyev Bulgakova. In: *Pushkinskiye chteniya — 2012: materialy XVII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*. Sankt-Peterburg. (In Russ.).
- Shurupova, O. S. 2010. Kontsept «Dom» v smyslovoy organizatsii Peterburgskogo teksta russkoy literatury. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, 15/4: 1183—1185. (In Russ.).
- Stepanov, Yu. S. 1997. *Konstanty: slovar' russkoy kultury*. Moskva: Yazyki russkoy kultury. (In Russ.).
- Valeyeva, D. R. 2011. Yazykovyye realizatsii kontsepta «Dom» v proizvedeniyakh V. Rasputina. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, 3: 307—310. (In Russ.).